

РОМАН,
ПРОБУЖДАЮЩИЙ СЕРДЦЕ

ЭМИЛИ БЛИКЕР

КОГДА Я УИДУ

**МОСКВА
2017**

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Сое)-44
Б69

Emily Bleeker
WHEN I'M GONE

© 2016 Emily Bleeker.

Публикуется с разрешения автора и ее литературных агентов
The Stringer Literary Agency LLC (США)
при содействии Агентства Александра Корженевского (Россия)

Школа перевода
В. Баканова

Бликер, Эмили.

Б69 Когда я уйду / Эмили Бликер; [пер. с англ. Г. Ю. Бабуровой]. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 320 с. — (Роман, пробуждающий сердца).

ISBN 978-5-04-088872-6

Это была семья, которую все вокруг считали идеальной. Обожающие друг друга Люк и Натали, трое очаровательных детей... Но тяжелейшая болезнь оборвала жизнь Натали, оставив Люка один на один с жутким горем. А на следующий после похорон день он получил по почте письмо от жены. В конверт был вложен листок, вырванный из дневника, который она вела при жизни. С тех пор пришло много таких листков – веселых, грустных, а иногда загадочных, намекающих на некую тайну. И все это время Люк искал ответы на два вопроса: кто посылает ему эти письма и, самое главное, зачем?..

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Перевод на русский язык.
Г. Бабурова, 2017
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-04-088872-6

*Посвящается моим детям,
которые верят в меня
гораздо сильнее, чем я сама*

ЯНВАРЬ

Глава 1

Идеальные похороны. Иначе и быть не могло, ведь Натали сама все устроила, а у нее талант. В бюро ритуальных услуг они с Люком ходили вместе, но он молча сидел рядом. Нат продумала все детали: урна для сбора средств Национальному обществу по борьбе с раковыми заболеваниями, короткие видеоролики с обращениями к каждому из друзей, которые по кругу проигрывали в фойе. Да уж, в Фармингтон-Хиллз, штат Мичиган, это точно были похороны года...

Люк нажал кнопку пульта, и гаражные ворота поползли вверх. Он заехал внутрь и припарковался рядом с бежевым мини-венном Натали. Машина дважды мягко подскочила на порожке — приехали. На заднем сиденье завозились дети. У Уилла глаза совершенно красные. Четырнадцать лет и без того сложный возраст, а тут еще смерть матери... Наверное, у подростков из-за обилия гормонов особенно велик запас слез. Свои Люк давно израсходовал. Это хуже. По крайней мере, когда плачешь, никто не выражает восхищение по поводу того, как хорошо ты держишься, и не отпускает замечаний, что она теперь «в лучшем из миров». Им невдомек, что изображать смирение гораздо легче, чем на самом деле смириться со смертью.

Мэй подняла голову.

— Папа, я есть хочу. Что у нас на ужин?

Люк только диву давался: у девятилетней девочки аппетит мальчишки-подростка.

Уилл вздохнул:

— Мы же на похоронах поели, Мэй. У папы не было времени готовить.

— Ничего страшного, Уилл. Бабушка Терри нам весь холодильник едой забила. Если Мэй голодна, я что-нибудь разогрею.

Мать Натали ушла сразу же после того, как отзвучало последнее «аминь». Неудивительно — Люк ей никогда не нравился. Хорошо бы она уже уехала. Не хотелось ощущать ее тяжелый взгляд, как будто Люк виноват в том, что у Натали рак...

— Ребята, вы идите в дом, а я возьму Клейтона.

Мэй просунула голову между сиденьями. Вздернутый мамин нос, глаза Люка, а улыбка — нечто среднее, причудливый результат смещения генов.

— А ты не захватил оттуда шоколадного печенья? Такое было вкусное!..

— Ты как будто с дня рождения приехала! — Уилл выскочил из машины, как ошпаренный, и с размаху захлопнул дверцу.

— Не обращай внимания, детка, — посоветовал Люк. Надо бы заставить сына извиниться перед сестрой, но сил не нашлось.

Мэй пожала плечами и вновь распахнула дверцу.

— Бабушка какую-то еду складывала в нижний шкафчик на кухне, поищи там.

— Хорошо, папа! — Девочка скользнула по сиденью и выскочила из машины.

Уилл впервые так разозлился после смерти матери, а Люк пережил несколько приступов гнева с тех пор, как Натали вернулась домой с последнего обсле-

дования — их полагалось проходить каждые три месяца. Первые месяцы ремиссии они тихо радовались. Получив хорошие снимки, Натали прилепила к стеклу автомобиля магнитик с желтой лентой¹ и работала волонтером в фонде «Передай жизнь» — в розовой футболке с надписью «Я выжила». Через пару месяцев волосы у нее отросли, и она не натыкалась больше на сочувственные взгляды. А спустя три месяца новые рентгеновские снимки и анализ крови положили конец их надеждам...

Люк вытащил ключ зажигания и сунул в карман.

Он глушил гнев, колотя грушу в подвале. Нарочно не надевая перчатки.

Клейтон дремал в детском кресле. Изогнутые, будто лук у Купидона, губы, тонкие пушистые ресницы... Когда щелкнула пряжка, он распахнул глаза.

— Приехали, папочка?

— Да, сынок. Пойдем переоденемся в пижаму. — Люк нажал оранжевую кнопку и расстегнул две последние пряжки.

— Люблю тебя, папочка. — Клейтон протянул ему ручонки. Люк вытащил из машины худенькое тельце, трехлетний сын обнял его за шею и сразу уснул опять. Люк глубоко вдохнул: Клейтон пах мальчишеским потом и чипсами — Терри отвлекала ими внука во время службы.

Люк больше не злился. Ему было грустно. Грусть пропитала его до костей, угнездилась в груди, проникла в каждую клеточку тела. Он подошел к дому со спящим мальчиком на руках. Мэй оставила дверь открытой; Люк ногой прикрыл ее за собой. В пустом

¹ Желтая лента как символ онкологических заболеваний олицетворяет собой проблему злокачественных новообразований костной ткани. — *Здесь и далее прим. пер.*

холле шаги звучали гулко. Обычно, приходя с работы, Люк постоянно спотыкался о школьные рюкзаки и кроссовки, но теперь он дико тосковал по беспорядку — свидетельству привычной жизни. Перед отъездом мать Натали все убрала: из гостиной исчезли большая койка, стопки журналов, полупустые бутылки с водой. Не было нового телевизора, который они собирались повесить в углу у окна, — вчера приходил электрик и подключил его в подвале к новой игровой приставке, которую купила Терри, — как будто это поможет детям позабыть, что их мать умерла. Теперь комната, где его жена испустила последний вздох, смотрелась как обычная гостиная: светлая мебель, коричневый ковер, семейные фотографии на стенах.

Хоть пахло так же — корицей и ванилью. Наверное, какой-то освежитель. Лучше отыскать, где он хранится, а то вот так вернешься домой в один прекрасный день, а запах улетучился... Надо спросить у Энни. Она ведь лучшая подруга Натали, должна быть в курсе всяких маленьких секретов.

Люк глубоко вздохнул, чтобы аромат наполнил легкие. Уилл закрылся в комнате, Мэй шуршала на кухне. Всё, как всегда. Хорошо, когда рядом не крутятся друзья и родственники, изо всех сил желающие услужить. Можно спокойно бродить по дому в старых рваных трениках.

С каждой секундой Клейтон становился тяжелее, а костяшки и предплечья у Люка саднили после вчерашнего ночного сеанса у боксерской груши. Он повернул к лестнице — и тут что-то попало ему под ногу. Люк поскользнулся и еле сдержал крик, пытаясь сохранить равновесие. В удивлении он воззрился на цветной прямоугольник бумаги.

Если б дело происходило в привычной жизни, на полу валялся бы листок из тетрадки с домашней работой или рисунок, выпавший из-под магнита с холодильника. Люк решил, что это еще одна открытка с соболезнованиями. Присев, он подцепил конверт пальцами и поднес его к свету, лившемуся с крыльца через окно. У плеча заворочался Клейтон.

Надпись на конверте: «Для Люка». «Л» с завитками по бокам, миниатюрная наклонная «к». Почерк Натали... Глаза обожгло слезами.

Откуда оно? Люк огляделся в поисках отгадки. Как письмо от умершей жены могло оказаться под лестницей? Его взгляд задержался на входной двери с латунной щелью для почты. Десять лет назад Натали сама выбрала эту дурацкую дверь, когда они строили дом, но первой же холодной мичиганской зимой попросила ее засиликонить. За девять лет у него так и не дошли руки. А теперь через эту щель с ними говорила покойная супруга...

Конечно, это не она. Люк покачал головой и сунул письмо в карман. Натали умерла. Покойники не подбрасывают письма в почтовые ящики и не переселяются на небеса. Люди просто умирают. Скорее всего, кто-то что-то напутал.

Люк занес ногу над ступенькой, и тут из кухни выбежала Мэй — все в том же черном платье по колено, что на похоронах.

— Пап, можно, я съем злаковый батончик? — Она показала ему лакомство в серебристой упаковке. — Мама не разрешала сладкое перед сном, но ведь батончик полезный.

Когда дочь вот так, походя, вспоминала мать, у Люка перехватывало дыхание. Почему она такая сильная, а он такой слабый?

— Конечно, родная! — Почувствовав укол совести, добавил: — Только молока себе налей, хорошо?

— Ты что, папа! Я не справлюсь! Бутылка тяжелая, я все время проливаю...

Мэй сунула в рот каштановый локон — детская привычка, которую она приобрела с тех пор, как волосы отрасли. Натали считала, что это пережитки сосательного рефлекса, и одергивала дочь, но Люк не стал. Сейчас дочке необходимы уют и покой.

— Попрошу Уилла, он спустится и поможет тебе.

— Думаешь, он больше на меня не злится? — Девочка заправила мокрую прядь за ухо.

Люк передернул плечами. Что ж, может, и стоит делать замечания.

— Конечно, нет. Просто ему грустно, а когда грустно, люди часто огрызаются на близких.

— Ну ладно.

Мэй разорвала зубами упаковку и пошла обратно в кухню.

— Я люблю тебя, — сказал Люк ей вслед.

— Я тебя тоже, — бросила она через плечо.

* * *

Люк уложил Клейтона, уговорил Уилла помочь сестре на кухне, затем пошел к себе. Там бросил пиджак на кровать и расстегнул ремень на брюках. Ремень носить еще можно, только не сам костюм. Надеть куда-то брюки и пиджак, что были на тебе в день похорон жены?.. Нет уж, спасибо. Люк достал из шкафа чехол и наскоро впихнул туда пиджак. Взгляд зацепился за торчащий из кармана голубой конверт.

Письмо... Он совсем позабыл о нем. Трудно сказать, нечаянно или нарочно. Почерк на конверте до

боли походил на почерк его жены. Люк схватил письмо, выпустив из рук чехол, и вскрыл конверт. Оттуда выскользнул сложенный лист, вырванный из блокнота со спиральной пружинкой. Значит, все-таки Натали. Никто на свете не станет писать писем овдовевшему мужу в блокноте за пятьдесят центов, даже не обрезав бахрому с краю.

Люк бросил пустой конверт на кровать. Замер, поймав в зеркале собственное отражение: светлые волосы расчесаны на пробор, галстук аккуратно завязан — как будто на собеседование собрался. Единственный признак ужасного дня — соломенная щетина на подбородке. Странно и неправильно, что снаружи он выглядит таким собранным, в то время как изнутри разваливается на части... Люк расстегнул верхнюю пуговицу на рубашке, ослабил галстучный узел и взъерошил волосы, а потом присел на угол кровати спиной к зеркалу и дрожащими руками развернул листок. Сверху рукой Натали было написано: «В день моих похорон». Дальше шел текст: знакомые до боли завитки. В ушах как будто зазвучал ее голос.

Дорогой Люк!

Может, стоит написать «родной» или «любимый», а может, дружески окликнуть: «Эй, Люк...» Не знаю, как умершая женщина должна обращаться к супругу. Если ты читаешь это, скорее всего, меня нет в живых. Не исключено, конечно, что ты рылся в моих вещах и нашел дневник. Если так, то стыдись!.. Но нет, ты никогда не совал нос куда не просят; вероятно, меня больше нет.